

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1283-1295

EDN: SFFSQZ

УДК 811.161.1'367.623'373.46

Научная статья / Research article

ЯЗЫКОВОЙ versus ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ: ЭТИМОЛОГИЯ, СЕМАНТИКА, УЗУС

О.С. Крюкова¹ , М.Б. Раренко² ¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация² Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Российской академии наук, Москва, Российская Федерация florin2002@yandex.ru

Аннотация. Разграничение употребления в современном русском языке прилагательных *языковой* и *лингвистический*, в том числе в профессиональной сфере общения, является нерешенным вопросом. Актуальность исследования определяется участвовавшими в последнее время случаями некорректного использования указанных прилагательных не только рядовыми носителями русского языка, но и специалистами — филологами и представителями других гуманитарных направлений. Некорректное использование прилагательных *языковой* и *лингвистический* в специальной научной литературе в составе терминологических сочетаний (лингвистический конфликт, лингвистические способности ребенка, лингвистическая безопасность и пр.) влечет за собой закрепление сомнительных с точки зрения языковой нормы коллокаций, появлению в текстах двусмысленности, размыванию терминологической системы в целом. Целью статьи является уточнение узуса прилагательных *языковой* и *лингвистический*. Материалом исследования послужили аутентичные тексты на русском языке, данные авторитетных словарей русского языка, личные наблюдения авторов статьи. Рассматриваются отдельные словосочетания, в состав которых входят прилагательные *языковой* и *лингвистический*, анализируются их происхождение, значение, употребление. Методами исследования послужили описательный, сопоставительный и сравнительный методы, а также метод компонентного анализа. Основные результаты исследования заключаются в том, что многие использующиеся сегодня в качестве устойчивых сочетаний словосочетания, а также словосочетания, использующиеся в качестве терминов, являются заимствованными из английского языка или через его посредничество. В современном английском языке у прилагательного *linguistic* авторитетные толковые словари фиксируют два значения (в отличие от аналогичного русского прилагательного *лингвистический* — относящийся к лингвистике (науке)): 1) относящийся к языку, 2) относящийся к лингвистике (науке), что во многом и объясняет появление в русском языке таких словосочетаний, как *лингвистический капитал* (вместо языкового капитала), *лингвистическая проблема* (вместо языковой проблемы, если речь идет о языке, а не о лингвистике), *лингвистический конфликт* (вместо языкового конфликта) и пр.

© Крюкова О.С., Раренко М.Б., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: термин, норма, коллокация, русский язык

Вклад авторов:

Вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 01.12.2024

Дата приема в печать: 15.12.2024

Для цитирования:

Крюкова О.С., Раренко М.Б. ЯЗЫКОВОЙ versus ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ: этимология, семантика, узус Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 4. С. 000–000. <https://vestnik.rudn.ru/issue/view/issueDetail.htm?id=2313-2299-2024-15-4-1282-1295>

“Jazykovoj” (Language) Versus “Lingvisticheskij” (Linguistic): Etymology, Semantics, Usage

Olga.S. Kryukova¹ , Maria B. Rarenko²

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

² Institute for Scientific Information on Social Sciences (INION) of the Russian Academy
of Sciences, Russian Federation

 florin2002@yandex.ru

Abstract. The authors deal with the issue of distinguishing between the use of the adjectives “jazykovoj” (language) versus “lingvisticheskij” (linguistic) in modern Russian, in the professional sphere of communication as well. The relevance of the study is determined by the recent increase in the cases of incorrect use of these adjectives not only by ordinary native speakers of the Russian language, but also by experts — philologists and representatives of other humanitarian areas. Incorrect use of adjectives “jazykovoj” (language) versus “lingvisticheskij” (linguistic) in special scientific literature as part of terminological combinations (lingvisticheskij konflikt (linguistic conflict), lingvisticheskie sposobnosti rebenka (linguistic abilities of the child), lingvisticheskaja bezopasnost' (linguistic security), etc.) entails the consolidation of dubious collocations from the point of view of the language norm, the appearance of ambiguity in the texts, and the blurring of the terminological system as a whole. The purpose of the article is to clarify the use of the adjectives “jazykovoj” (language) versus “lingvisticheskij” (linguistic). The material of the study was authentic texts in Russian, data from authoritative dictionaries of the Russian language, personal observations of the authors of the article. Separate phrases are considered, which include adjectives “jazykovoj” (language) versus “lingvisticheskij” (linguistic), their origins, meanings, usages are analyzed. The research methods were descriptive, comparative and comparative methods, as well as the method of component analysis. The main results of the study are that many phrases used today as stable combinations, as well as phrases used as terms, are borrowed from the English language or through its mediation. In modern English, the adjective linguistic has two meanings in authoritative explanatory dictionaries (unlike the similar Russian adjective “lingvisticheskij” (linguistic) — related to linguistics (science)): 1) related to language, 2) related to linguistics (science), which largely explains the appearance in the

Russian language of such phrases as *lingvisticheskij kapital* (instead of *jazykovoj kapital*), *lingvisticheskaja problema* (instead of *jazykovaja problema*, if we are talking about language, and not about linguistics), *lingvisticheskij konflikt* (instead of *jazykovoj konflikt*), etc.

Keywords: term, norm, collocation, Russian language

Authors' contribution:

The authors contributed equally to this article.

Conflicts of interest:

The authors declare no conflicts of interest.

Article history:

Received: 01.09.2024

Accepted: 15.09.2024

For citation:

Kryukova, O.S. & Rarenko, M.B. (2024). "Jazykovoj" (Language) Versus "Lingvisticheskij" (Linguistic): Etymology, Semantics, Usage. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(4), 1282–1295. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1282-1295>

Введение

В эпоху глобализационных процессов особенно уязвимым оказываются те составляющие национальной культуры, которые определяют ее уникальность и неповторимость. К таким элементам, в первую очередь, относится национальный язык, сохранение которого во многом равнозначно сохранению нации. Значимость языка для самоидентификации личности подчеркивали многие русские писатели и общественные деятели. Так, И.А. Гончаров писал, что язык — «самое живое и чуть ли не единственное выражение национальности» [1. С. 258]. В свете этой крайне важной функции национального языка весьма актуальным представляется исследование семантической истории слов и выражений. Академик В.В. Виноградов указывал, что «история отдельного слова не случайное, а последовательное историческое звено в общих сдвигах языковых систем» [2. С. 15].

В статье рассматривается проблема разграничения значений и употребления прилагательных *языковой* и *лингвистический*, что представляет определенные трудности. Как показывает анализ современной специальной литературы (см. например [3–11]), в том числе метатекстов, ошибки в употреблении прилагательных *языковой* и *лингвистический* допускают не только «рядовые» носители русского языка (не говоря уже о изучающих русский язык как иностранный), но и специалисты, имеющие профильное лингвистическое или филологическое образование.

Несмотря на кажущуюся близость значений, эти прилагательные, тем не менее, обладают довольно различными значениями, поэтому неверное употребление одного прилагательного вместо другого может приводить к нарушению и потере смысла высказывания.

Если обратиться к современным толковым словарям русского языка, то можно увидеть, что, обозначая близкие категории, эти прилагательные имеют разную этимологию, различаются семантикой, обладают разным узусом.

В словаре Д.Н. Ушакова¹ слово *лингвистический* выделено в отдельную словарную статью и имеет два значения. В качестве иллюстративных примеров здесь приведены соответствующие словосочетания: ‘лингвистический метод’ и ‘лингвистическое исследование’ к первому значению; ‘лингвистические явления’ — ко второму значению. В четырехтомном Словаре русского языка (1985–1988)² слово *лингвистический* имеет одно значение: относящийся к лингвистике. В Словаре современного русского литературного языка (1949–1966)³ слово *лингвистический* имеет два значения (относящийся к лингвистике и относящийся к языку, языковой). В качестве иллюстративных примеров к обоим значениям выбраны цитаты из научных текстов, авторами которых являются Грановский и Щерба. Указано, что впервые слово *лингвистический* было зафиксировано Словарем Академии Российской в 1847 г. Уменьшение количества значений у слова *лингвистический* в четырехтомном (так называемом Малом академическом словаре) объясняется, по-видимому, типом толкового словаря (средний, в классификации С.И. Ожегова), в котором приводится обычно активная лексика с небольшим объемом пассивной лексики или отдельных значений слова.

В словаре Д.Н. Ушакова слово *языковой* фигурирует как прилагательное к слову ‘язык’ в 3 и 4 значениях. В качестве иллюстративных примеров в этом словаре используются словосочетания: ‘языковое чутье’, ‘языковой факт’, ‘языковые явления’, ‘языковая система’. Очевидно, что существительные подобраны таким образом, чтобы продемонстрировать изменение прилагательного по числам и родам. В четырехтомном словаре 1986 г. слово *языковой* определяется так же, как и в словаре Д.Н. Ушакова, в качестве иллюстративных примеров приводятся словосочетания: ‘языковые явления’, ‘языковое чутье’, ‘языковое родство’.

Согласно Словарю русского языка (1999)⁴, лексема *лингвистический* является прилагательным к существительному ‘лингвистика’, т.е. науке о языке, языкознанию, в то время как лексема *языковой* — прилагательным к существительному ‘язык’ в третьем и четвертом значениях, описанных в этом же словаре. Третье значение лексической единицы ‘язык’ в словаре трактуется как средство общения людей, а четвертое значение определяется как стиль,

¹ Толковый словарь русского языка / Под ред. Проф. Д.И. Ушакова: В 4-х тт. М.: ОГИЗ, 1935–1940.

² Словарь русского языка. М. : Русский язык, 1985–1988.

³ Словарь современного русского литературного языка. Т. 6. М.—Л., 1966.

⁴ Словарь русского языка : в 4 томах / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 2. К—О.

слог, разновидность речи. В четвертом значении отмечена также коннотация: характерный кому-либо, чему-либо способ словесного выражения.

В словаре под редакцией С.А. Кузнецова «Большой толковый словарь русского языка» (2000) отдельной статьи, посвященной прилагательному **лингвистический**, нет, но имеются статьи ‘лингвист’ и ‘лингвистика’. В статье ‘лингвистика’, однако, отмечается, что прилагательным к данному существительному является **лингвистический**. Также приводятся примеры сочетаемости: ‘лингвистические исследования’ и ‘лингвистический анализ’⁵. Значения прилагательных ‘языковой’ и ‘языковый’ предлагается уточнять, обратившись к статье ‘язык’, где отсылка делается на 3 и 4 значения существительного, дефиниции которых принципиально не отличаются от соответствующих дефиниций в Словаре русского языка (1999). В качестве примеров сочетаемости с прилагательным приведены ‘языковые явления’, ‘языковое чутье’, ‘языковое родство’⁶.

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой прилагательное **лингвистический** выделено в отдельную статью. Его английским эквивалентом указано прилагательное *linguistic*, значение определяется как ‘прил. к лингвистика’. В статье анализируются словосочетания ‘лингвистическая география’, ‘лингвистическая единица’, ‘лингвистическая историология’, ‘лингвистическое картографирование’, ‘лингвистические категории’, ‘лингвистическая относительность’, ‘лингвистическая палеонтология’, ‘лингвистическая психология’, ‘лингвистическая статистика’, ‘лингвистическая стилистика’, ‘лингвистическая универсалия’, ‘лингвистическая фаза’, ‘лингвистическая философия’, ‘лингвистическая характерология’, ‘лингвистическая экономика’, ‘лингвистического описания метод’⁷. Отметим, что многие приводимые в статье термины сопровождаются англоязычными эквивалентами — *linguistic phase*, *linguistic relativism*, *linguistic characterology* и пр., в состав которых входит прилагательное *linguistic*, что позволяет прийти к выводу о том, что термины были заимствованы из английского языка (или через посредничество английского языка) и являются языковыми кальками. Прилагательное **языковой** также выделено в специальную статью. Указываются соответствия на английском языке. Примечательно, что первым упоминается прилагательное *linguistic*, затем существительное *language* (употребляемое в качестве атрибутива). Отмечается общее значение лексической единицы как прилагательного, образованного от существительного ‘язык’. Далее подробно описываются словосочетания, в состав которых входит прилагательное **лингвистический**: ‘лингвистическая география’, ‘языковой контакт’, ‘языковое

⁵ Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2000. С. 497

⁶ Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2000. С. 1532

⁷ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М. : Комкнига, 2007. С. 219

мышление’, ‘языковая общность’, ‘языковое сознание’, ‘языковой стиль’, ‘языковое творчество’, ‘языковая форма внутренняя’, ‘языковое чутье’.

В online Etymology Dictionary прилагательное *linguistic* (adj.) описывается как “of or pertaining to the study of language”. Его появление датируется 1824 г. и восходит к немецкой лексеме *linguistisch* (1807), а существительное *language* (n.) датируется как появившееся в английском языке в конце XIII в. и восходящее к французской лексеме *langage* в значении ‘words, what is said, conversation, talk’ (т.е. ‘слова; то, что сказано; разговор; беседа’). В свою очередь в старофранцузском лексеме *langage* употреблялась в значении ‘speech, words, oratory; a tribe, people, nation’ (т.е. ‘речь, слова, ораторское искусство’, а также ‘племя, народ, нация’). Старофранцузская лексема восходит к латинской лексеме *lingua*, имеющей значение ‘язык, речь’⁸.

Компетентные словари английского языка, например Longman Dictionary of English Language and Culture (1998) и Oxford Advanced Learner’s Dictionary (2000), прилагательное поясняют как “of languages, words, or linguistics”⁹; и “connected with language or the scientific study of language”¹⁰. В последнем в качестве иллюстрации приводятся примеры: *linguistic and cultural barriers*, *a child’s innate linguistic ability*, *new developments in linguistic theory*¹¹, из которых становится понятно, что русскими соответствиями прилагательному *linguistic* выступает как прилагательное **языковой**, если речь идет о языке — языковые и культурные барьеры, врожденные языковые способности ребенка и **лингвистический**, если обсуждаются вопросы, имеющие отношение к лингвистике (науке) — новые разработки в лингвистической теории.

Заметим, что различие в употреблении русских прилагательных **языковой** и **лингвистический** не всегда учитывается в онлайн-переводчике. Так, при переводе на русский язык словосочетания ‘a child’s innate linguistic ability’ программа предлагает вариант врожденные лингвистические способности ребенка, что, конечно, является ошибкой, в то время как Google-переводчик предлагает перевод прилагательного *linguistic* в этом словосочетании как ‘врожденные языковые способности ребенка’.

«Частотный словарь русского языка»¹² фиксирует общую частоту 1 у прилагательного ‘лингвистический’, прилагательное ‘языковой’ в алфавитно-частотном словнике отсутствует. Казалось бы, никаких трудностей в употреблении этих прилагательных быть не может, поскольку их значения точно

⁸ Etymology Dictionary. Точка доступа: <https://www.etymonline.com/search?q=language/> (дата обращения: 15.03.2023).

⁹ Longman Dictionary of English Language and Culture, 1998. P. 767.

¹⁰ Oxford Advanced Learner’s Dictionary, 2000. P. 781.

¹¹ Oxford Advanced Learner’s Dictionary, 2000. P. 781.

¹² Частотный словарь русского языка. М. : Русский язык, 1977.

определены и нормированы. Рассмотрим наиболее часто встречающиеся коллокации с прилагательными *лингвистический* и *языковой*.

Так, с прилагательным *языковой* используются следующие существительные: *анализ, барьер, вариант, вкус, дискомфорт, знак, игра, империализм, код, коллектив, комфорт, континуум, конфликт, конформизм, материал, нигилизм, опыт, плюрализм, портфель, посредник, пуризм, репертуар, сдвиг, состав населения, союз, стандарт, стиль, субкод, суверенитет личности / нации, ценз, экстремизм*¹³. Также прилагательное *языковой* употребляется в словосочетаниях ‘языковой экзамен’, ‘языковая политика’ и пр. С прилагательным *лингвистический* словари рекомендуют использование существительных: *анализ, атлас, билингвизм, биологизм (=лингвистический натурализм), закон, компонент, контекст, логизм, перевод, подход, психологизм, словарь, эксперимент, экстремизм*¹⁴.

Заметим, что некоторые существительные образуют словосочетания и с прилагательным *языковой*, и с прилагательным *лингвистический*. Рассмотрим некоторые из этих случаев подробно.

Согласно данным «Словаря лингвистических терминов» (2010)¹⁵, словосочетания ‘языковой экстремизм’ / ‘лингвистический экстремизм’ признаются эквивалентными и обозначают «стремление создать вместо единого литературного языка несколько литературных языков путем придания статуса литературного языка диалектам. Языковой экстремизм обычно прослеживается в рамках реализации идей национального сепаратизма».

Термины ‘лингвистическая география’ и ‘языковая география’ в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой также предлагается рассматривать как синонимичные — «отрасль диалектологии, изучающая территориальное распространение тех элементов языка, которые определяют его диалектные разновидности»¹⁶.

В то же самое время словосочетания ‘языковой анализ’ и ‘лингвистический анализ’ обозначают разные процедуры и направлены на выявление разных характеристик текста. Под термином ‘языковой анализ’ понимают совокупность приемов, систематически применяемых при изучении всех сторон языка: фонетики, лексики, словообразования, морфологии, синтаксиса, стилистики. Целью языкового анализа является выявление структуры, типов языковых единиц, их форм и способов образования, целесообразности их использования в тексте и пр. Под ‘лингвистическим анализом’ понимают метод исследования текста, который может быть охарактеризован как лингвосмысловой анализ. Такой вид анализа ориентирован на постижение предметно-логического содержания текста, фактуальной и концептуальной информации,

¹³ <https://sanstv.ru/dict> (дата обращения: 15.03.2023).

¹⁴ <https://sanstv.ru/dict> (дата обращения: 15.03.2023).

¹⁵ Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань : Пилигрим, 2010.

¹⁶ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М. : Комкнига, 2007. С. 218

имеющейся в тексте. Использование прилагательных *языковой* и *лингвистический* в сочетании с существительным *анализ* определяется контекстом.

Словосочетания ‘языковая проблема’ и ‘лингвистическая проблема’ указывают на разные проблемы: первое сочетание обозначает проблему внутри языка (например использование определенных форм слова), в то время как второе словосочетание обозначает проблему, с которой сталкиваются лингвисты (например проблему определения границ слова в немецком языке). Аналогичным образом дело можно охарактеризовать употребление словосочетаний ‘языковой вопрос’ / ‘лингвистический вопрос’.

Неоднозначен вопрос об употреблении словосочетания ‘лингвистическая безопасность’, претендующего на статус термина. С одной стороны, если следовать словарному значению прилагательного *лингвистический*, то данное словосочетание следует трактовать как безопасность в области лингвистических исследований или безопасность специалистов, занятых в этой области знания, что, безусловно, неверно. С другой стороны, в названиях статей современных авторов словосочетание ‘лингвистическая безопасность’ встречается весьма часто. Авторы рассматривают следующие аспекты ‘лингвистической безопасности’: «Лингвистическая безопасность как часть национальной безопасности государства», «Речевая агрессия как проблема лингвистической безопасности», «Лингвистическая безопасность коммуникативных процессов онлайн-игр», «Лингвистическая безопасность в контексте современной глобализации». Более того, одна из статей посвящена самому понятию ‘лингвистическая безопасность’: «Работа над понятием лингвистической безопасности в процессе изучения бакалаврами РГУП предмета “риторика”», в которой автор, отмечая, что термин ‘лингвистическая безопасность’ относительно новый, использует его вслед за Е.Н. Бирюковой как «устойчивое состояние языка, при котором максимально полно обеспечивается его безопасное существование, сохранение целостности, способности к саморазвитию и самосовершенствованию, несмотря на неблагоприятное внутреннее и внешнее воздействие» [12. С. 68]. В ряде публикаций терминологическое словосочетание «лингвистическая безопасность» употребляется в значении «национальная безопасность в языковой сфере» (см. например [13]). В то же время некоторые авторы, словно испытывая затруднения в выборе соответствующего термина, соединяют оба прилагательных в одном заглавии [5].

Распространенное сегодня в научных кругах словосочетание ‘языковая личность’, имеющее статус термина, в широкий научный лексикон ввел Ю.Н. Караулов, опубликовав в 1987 г. книгу под названием «Русский язык и языковая личность», несмотря на то, что впервые это словосочетание использовал в своей статье «О художественной прозе» (1930) В.В. Виноградов, рассуждая о методе Бодуэна де Куртенэ: «Бодуэн де Куртенэ, подобно

Потебне, устранил из своих исследований литературного языка методы исторического анализа и историзм как мировоззрение. Его интересовала *языковая личность* (курсив наш — О.К., М.Р.) как вместилище социально-языковых форм и норм коллектива, как фокус скрещения разных социально-языковых категорий» [14. С. 82]. Более того, еще раньше схожие идеи — о нерасторжимом единстве родного языка с личностью говорящего — не используя, однако, словосочетания ‘языковая личность’, высказывал Ф.И. Буслаев: «Родной язык так сросся с личностью каждого, что учить оному значит вместе с тем и развивать (личность) духовные способности учащегося» [15. С. 7].

В настоящее время точного определения языковой личности нет. Ю.Н. Караулов отмечает, что в современных исследованиях «понятие ‘языковая личность’ (*homo loquens*) употребляется чаще для обозначения родового свойства *homo sapiens* вообще. Оно разрабатывается с заметной эффективностью в лингводидактических целях, и на достигнутом ныне уровне обобщенных научных представлений о ней ‘языковая личность’ выступает как многослойный, многокомпонентный, структурно упорядоченный набор языковых способностей, умений, готовности производить и воспринимать речевые произведения» [16. С. 29], ссылаясь на работы Г.И. Богина [17; 18]. Таким образом, можно констатировать, что в термине ‘языковая личность’ преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека.

Данный термин, таким образом, возник в русском языке, поэтому было бы интересно посмотреть, как он переводится на английский язык. Для этого мы обратились к сайту *elibrary.ru* и ввели в поисковую строку словосочетание ‘языковая личность’. В англоязычных аннотациях к статьям, посвященным разным аспектам изучения ‘языковой личности’, мы заметили два регулярно используемых авторами английских словосочетания для передачи термина — *linguistic personality* и *language personality*. Отметим, что частотность употребления обоих словосочетаний приблизительно одинакова, что было нами вполне ожидаемым, поскольку, как показано выше, оба английских слова употребляются в современном английском языке в значении ‘относящийся к языку’.

Термин ‘языковая политика’ является калькой с английского (*language policy*) и широко используется в социолингвистике. «Разработка лингвистических [*sic* — О.К. и М.Р.] проблем, направленных на то, чтобы управлять языковыми процессами, носит название языковой политики; языковая политика — часть социолингвистики, выход этой науки в речевую практику», — подчеркивают В.И. Беликов и Л.П. Крысин. Заметим, что в выражении «лингвистические проблемы» слово «лингвистический» употреблено, по-видимому, в стилистических целях — во избежание четырехкратного повтора слова

«языковой» в предложении. Помимо социолингвистики термин «языковая политика» используется также в политологических исследованиях [19. С. 13].

«Лингвистический энциклопедический словарь» (1990)¹⁷ [33] дает несколько словарных статей, включающих слова *лингвистический* и *языковой*: лингвистическая география, лингвистическая поэтика, лингвистическая статистика, лингвистическая философия, лингвистический атлас, с одной стороны, и языковая политика, языковая ситуация, языковая способность, языкового существования школа, языковой союз — с другой. Количественно — это равное соотношение энциклопедических статей и стоящих за ними терминов.

Еще один термин, получивший широкое распространение в последнее время, — языковой капитал, который также имеет вариант употребления с прилагательным *лингвистический* — ‘лингвистический капитал’ [3]. Изначально термин появился как социолингвистический, будучи предложенным французским социологом и философом Пьером Бурдьё (1930–2002). Бурдьё описывает языковой капитал как форму культурного капитала. Термин использовался для описания различных языковых ресурсов, доступных одному человеку, а также ценностей, связанных с этим ресурсом. Сегодня этот термин (более подробно см., например: [20]) используется для обозначения того, как эти ресурсы играют роль в динамике власти на всех уровнях, начиная с индивидуальных, семейных, институциональных, правительственных и международных ролей, т.е. владение определенным языком (языками) предопределяет положение отдельного человека в обществе. Из контекста становится понятным, что речь идет именно о владении языком, а не лингвистическими знаниями, поэтому употребление в составе термина русского прилагательного *лингвистический* не является оправданным, более того, ошибочно, поскольку возникает путаница — не понятно, о каких компетенциях идет речь. Если следовать логике, то, употребляя прилагательное *лингвистический* в составе данного термина, говорящий наделяет особой символической властью лингвистов, т.е. людей, имеющих лингвистическое образование.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что в современном русском языке сложилась довольно интересная, с одной стороны, ситуация, но неоднозначная, с другой. Многие термины, в состав которых входят прилагательные *языковой* и *лингвистический*, пришли в язык из других языков, в большинстве своем из английского, где прилагательное ‘linguistic’ одновременно относится к языку (в разных значениях) и лингвистике как науке. В результате

¹⁷ Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990.

калькирования словосочетаний на русский язык в языке закрепились неправильные (в частности, противоречащие значению прилагательного *лингвистический*) терминологические единицы, которые получили широкое распространение. Ряд терминов и терминологических словосочетаний употребляются не совсем точно и нуждаются в упорядочении и смысловом разграничении в справочной литературе.

Библиографический список

1. Гончаров И.А. Статьи, заметки, рецензии, письма // собрание сочинений : в 8 тт. Т. 8. М. : Художественная литература, 1977.
2. Виноградов В.В. История слов. М., 1999.
3. Телегин Д.В. Лингвистический капитал как способ реализации символической власти: П. Бурдьё [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.rusnauka.com/3_KAND_2007/Philologia/18530.doc.htm (дата обращения: 14).
4. Могилевич Б.Р. Полилингвизм как лингвистический капитал информационного общества // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2020. Т. 26. № 1. С. 188–208. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-1-188-208> EDN: YUCXEN
5. Алексеев К.В. Языковая (лингвистическая) безопасность в системе национальной безопасности России // Русская филология и национальная культура. 2023. № 1(6). С. 1–8. <https://doi.org/10.37724/z8016-2905-1967-1> EDN: HXLQXP
6. Семенова О.С. Лингвистическая безопасность как часть национальной безопасности государства // Современные тенденции и инновации в науке и производстве. Материалы VII Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию филиала КузГТУ в г. Междуреченске. Кемерово, 2018. С. 323–325.
7. Ривлина А.А. О понятии «лингвокультурный конфликт» в контексте общей и лингвистической конфликтологии // Коммуникация в современном поликультурном мире: этнопсихолингвистический анализ. Отв. редактор Т.А. Барановская. М., 2013. С. 146–156. EDN: SSZWPV
8. Beloborodova A. Formation of the secondary linguistic personality by means of phraseology / Формирование вторичной языковой личности посредством фразеологии // Инновации в системе высшего образования. Материалы I Всероссийской научно-методической конференции. М., 2010. С. 8–10.
9. Baklagova Ju. V. The influence of the secondary language experience on developing linguistic identity // Мир Науки. Социология, Филология, Культурология. 2021. Т. 12. № 2. № 15. EDN: BJIXUE
10. Селютин А.А. Предпосылки для выделения новой категории языковой личности: корпоративная языковая личность // Языковая личность в современном коммуникативном поле. Редакторы-составители Е.А. Селютина, О.Г. Усанова. Челябинск, 2017. С. 108–123.
11. Хрусталева О.Н. От «языковой личности» преподавателя к «языковой личности» курсанта вуза МВД России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 4(18). С. 99–104. EDN: THLIFJ
12. Бирюкова Е.Н. Лингвистическая безопасность и языковая политика в современном российском контексте // Правовая культура. 2011. № 2(11). С. 67–72. EDN: OWUXRX
13. Жигалев Б.А., Прохорова А.А. Лингвистическая безопасность России в модусе мультилингвизма // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2020. № 5. С. 139–152. <https://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2020-si-139-152> EDN: SNAKGC
14. Виноградов В.В. О художественной прозе. М.; Л. : Гос. изд-во (Госиздат), 1930.
15. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. М. : Юрайт, 2023.

16. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М. : Издательство ЛКИ, 2010. EDN: RTDQLX
17. Богин Г.И. Уровни и компоненты речевой способности человека. Калинин, 1975.
18. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984.
19. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. EDN: PWFALV
20. Богданов С.И., Марусенко М.А., Марусенко Н.М. Языковой капитал в культурном и образовательном капитале // Социолингвистика. 2020. № 2(2). С. 8–20. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2020-2-2-8-20> EDN: AOFLUO

References

1. Goncharov, I.A. (1977). Articles, notes, reviews, letters. In: *Collected works: in 8 vols*. Vol. 8. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
2. Vinogradov, V.V. (1999). *History of words*. Moscow. (In Russ.).
3. Telegin, D.V. Linguistic capital as a way to implement symbolic power: P. Bourdieu. URL: https://www.rusnauka.com/3_KAND_2007/Philologia/18530.doc.htm (accessed: 15.03.2023) (In Russ.).
4. Mogilevich, B.R. (2020). Polylinguism as a Global Linguistic Capital. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 26(1), 188–208. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-1-188-208> EDN: YUCXEN (In Russ.).
5. Alekseev, K.V. (2023). Linguistic (Linguistic) Security in the Russian National Security System. *Russian Philology and National Culture*, 1(6), 1–8. (In Russ.).
6. Semenova, O.S. (2018). Linguistic security as part of the national security of the state. In: *Modern trends and innovations in science and production. Materials of the VII International scientific-practical conference dedicated to the 20th anniversary of the branch of KuzGTU in Mezhdurechensk*. Kemerovo. pp. 323–325. (In Russ.).
7. Rivlina, A.A. (2013). On the concept of “linguocultural conflict” in the context of general and linguistic conflictology. In: *Communication in the modern multicultural world: an ethnopsycholinguistic analysis*. T.A. Baranovskaya (Ed.). Moscow. pp. 146–156. (In Russ.).
8. Beloborodova, A. (2010). Formation of the secondary linguistic personality by means of phraseology. In: *Innovations in the system of higher education. Materials of the I All-Russian Scientific and Methodological Conference*. A.L. Khudoborodov G.I. Ladoshina (eds.). Moscow. pp. 8–10. (In Russ.).
9. Baklagova, J.V. (2021). The influence of the secondary language experience on developing linguistic identity. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 12(2), 15. EDN: BJIXUE (In Russ.).
10. Selyutin, A.A. (2017). Prerequisites for the allocation of a new category of linguistic personality: corporate linguistic personality. In: *Linguistic personality in the modern communicative field*. E.A. Selyutina, O.G. Usanova. Chelyabinsk (eds.). Chelyabinsk. pp. 108–123. (In Russ.).
11. Khrustaleva, O.N. (2014). From the “linguistic personality” of a teacher to the “linguistic personality” of a cadet of a higher education institution of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Bulletin of the Kazan Law Institute of the MIA of Russia*, 4(18), 99–104. EDN: THLIFJ (In Russ.).
12. Biryukova, E.N. (2011). Linguistic security and language policy in the modern Russian context. *The Legal Culture*, 2(11), 67–72. EDN: OWUXRX (In Russ.).
13. Zhigalev, B.A. & Prokhorova A.A. (2020). Linguistic Security of Russia in the Mode of Multilingualism. *Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin*, 5, 139–152. <https://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2020-si-139-152> EDN: SNAKGC (In Russ.).
14. Vinogradov, V.V. (1930). *On fiction*. Moscow; Leningrad: Gosizdat. (In Russ.).
15. Buslaev, F.I. (2023). *On teaching the native language*. Moscow: Yurayt. (In Russ.).

16. Karaulov, Yu.N. (2010). *Russian language and linguistic personality*. Moscow: LKI. EDN: RTDQLX (In Russ.).
17. Bogin, G.I. (1975). *Levels and components of human speech ability*. Kalinin. (In Russ.).
18. Bogin, G.I. (1984). *The model of linguistic personality in its relation to the varieties of texts* [dissertation]. Leningrad. (In Russ.).
19. Belikov, V.I. & Krysin, L.P. (2001). *Sociolinguistics*. Moscow: Ros. state humanit. un-t. (In Russ.).
20. Bogdanov, S.I., Marusenko, M.A. & Marusenko, N.M. (2020). Language Capital in Cultural and Educational Capital. *Sociolinguistic Studies*, 2(2), 8–20. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2020-2-2-8-20> EDN: AOFLUO (In Russ.).

Сведения об авторах:

Крюкова Ольга Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой словесных искусств факультета искусств МГУ имени М.В. Ломоносова (117218, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д.1); *сфера научных интересов*: семантическая история слов, лексикография, язык и общество; *e-mail*: florin2002@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4737-841X, SPIN-код: 8791-5500, AuthorID: 76509.

Раренко Мария Борисовна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Российской академии наук (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21); *сфера научных интересов*: социолингвистика, перевод и переводоведение, дискурс, семантическая история слов, языковая норма; *e-mail*: rarenco@rambler.ru
ORCID: 0000-0003-3601-6832, SPIN-код: 7817-9319, AuthorID: 418853.

Information about the authors:

Olga S. Kryukova, Ds.Sc. (Philology), Professor, Head of the Department of Verbal Arts, Faculty of Arts, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 1117218); *Research interests*: semantic history of words, lexicography, language and society; *e-mail*: florin2002@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4737-841X, SPIN-code: 8791-5500, AuthorID: 76509.

Maria B. Rarenko, PhD in Philology, Leading Researcher, Department of Linguistics, Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences (51/2, Nakhimovsky Prospect, Moscow, Russian Federation, 1117218); *Research interests*: sociolinguistics, translation and translation studies, discourse, semantic history of words, language norm; *e-mail*: rarenco@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-3601-6832, SPIN code: 7817–9319, AuthorID: 418853.